

Н. Барсуков

**Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и
М.А. Максимовича к князю П.А.
Вяземскому**

1825-1874 годов

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н. Барсуков**
Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А. Вяземскому: 1825-1874 годов / Н. Барсуков –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-517-95454-1

Из Остафьевского архива. Изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова. Репринтное издание 1901 года. Санкт-Петербург, тип. М. Стасюлевича.

ISBN 978-5-517-95454-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нѣкогда поклонникъ старой княгини. У Погодина забилось сердце. „Ну“, подумалъ онъ, „если покажутъ ему мое разсужденіе, и какъ оно покажется ему?“ Этого однако не случилось; но Дмитріеву было сказано, что русскій учитель подалъ княжнѣ свое сочиненіе, и, замѣчаетъ Погодинъ, „величественный старецъ своимъ торжественнымъ голосомъ благоволилъ обратитъ ко мнѣ слово ободренія“.

Въ сосѣдствѣ съ Знаменскимъ находится село Остафьево, въ которомъ живаль, до 1816 года, каждое лѣто Карамзинъ и писалъ свою *Исторію Государства Россійскаго*. Прервавъ свою службу въ Варшавѣ въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій до 1831 года проживаль то въ Москвѣ, то въ своемъ Остафьевѣ и всецѣло посвятилъ себя занятіямъ литературою. Изъ Остафьева князь Вяземскій нерѣдко посѣщаль Трубецкихъ въ Знаменскомъ, и здѣсь, 23 іюня 1822 года, въ день именинъ княжны Аграфены Ивановны Трубецкой (впослѣдствіи Мансуровой), встрѣтился съ Погодинымъ. Объ этой встрѣчѣ послѣдній записаль въ своемъ *Дневникѣ*: „Смотрѣлъ на Вяземскаго и Вяземскую. Опухъ. Не пьетъ ли?“ Вскорѣ послѣ этой встрѣчи Погодинъ сблизился съ княземъ Вяземскимъ на поприщѣ литературы.

Возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей движеніе въ литературѣ, Погодинъ, въ 1825 году, рѣшилсѣ издать альманахъ *Уранію* (Карманная книжка на 1826 годъ для любителей и любителей русской словесности). Это предпріятіе приблизило его къ князю Вяземскому, къ которому онъ въ это время обратился съ просьбою написать о немъ Пушкину. Исполняя желаніе Погодина, князь Вяземскій писалъ Пушкину изъ Москвы: „Здѣсь есть Погодинъ университетскій и, повидимому, *хорошихъ правилъ*: онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что-нибудь изъ *Онѣгина*, или что-нибудь изъ мелочей“. Погодинъ горѣлъ нетерпѣніемъ получить отвѣтъ Пушкина, а потому безпрестанно забѣгалъ къ князю Вяземскому справляться объ этомъ. У князя Вяземскаго Погодинъ встрѣтился съ Д. В. Давыдовымъ, съ которымъ онъ впервые познакомился въ домѣ Всеволожскихъ, и остался очень доволенъ тѣмъ, что Давыдовъ ласково съ нимъ обошелся. Наконецъ, князь Вяземскій получаетъ отвѣтъ Пушкина, но содержаніе его было

таково, что князю Вяземскому неудобно было показывать его Погдину. Пушкинъ, еще тогда незнакомый съ послѣднимъ, писалъ изъ своего Михайловскаго (3 декабря 1825 года): „Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшія“.

Князь Вяземскій избралъ для *Урагнiи* слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Мадригалъ* (Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати), *Движеніе* (Движенія нѣтъ, сказалъ мудрецъ), *Советъ* (Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ), *Соловей и Кукушка*, *Дружба* (Что дружба?..).

Не довольствуясь Пушкинымъ, Погдинъ осаждалъ князя Вяземскаго и Жуковскаго. 23 ноября 1825 года онъ написалъ князю письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ „исходатайствовать“ у Жуковскаго о доставленіи „чего-нибудь“ въ его *Урагнiю*. Отправляя къ Жуковскому подлинное письмо Погодина, князь Вяземскій сдѣлалъ на немъ слѣдующую собственноручную приписку: „Этотъ Погдинъ университетскій, но со всѣмъ тѣмъ умный и порядочный человекъ. Онъ издаетъ московскій альманахъ. Пособи ему чѣмъ можешь. Сочини кое-что и пришли, если хочешь. Только дай скорѣе рѣшительный отвѣтъ. Этотъ Погдинъ мнѣ сильно рекомендованъ“.

Съ того времени завязались у Погодина съ княземъ Вяземскимъ самыя близкія отношенія. Черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ описаннаго князь Вяземскій праздновалъ свой полувѣковой юбилей, и Погдинъ, будучи на этомъ торжествѣ ораторомъ, провозгласилъ: „Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человекъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій!“

Въ свою очередь, князю Вяземскому, пережившему своихъ друзей, довелось въ 1875 году помянуть Погодина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

...На голосъ родины всѣ чувства въ пемъ звучали;
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ пародныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ...
Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ тревоженій,
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,

Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.
Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздя свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

II.

Съ именемъ Погодина соединяется неразрывно имя Степана Петровича Шевырева, дѣлившаго съ нимъ труды и житейскія тревоженія.

Шевыревъ родился въ Саратовѣ 15 октября 1806 года и по своему рожденію принадлежалъ къ тому русскому коренному дворянству, которое, какъ пишетъ біографъ графа Д. Н. Блудова Ег. П. Ковалевскій, „жило изъ рода въ родъ въ провинціи, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ жила преданность престолу, тѣсно связанная съ его религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству. Подобно крѣпостному сословію, оно оставалось въ сторонѣ отъ политическихъ потрясеній“. Для дополненія характеристики быта, окружавшаго дѣтство и отрочество знаменитаго профессора Московскаго университета и историка древней русской словесности, приведемъ свидѣтельство другого писателя, безпристрастно отнесшагося къ отшедшему быту. „Страстно желая“, писалъ біографъ И. С. Никитина М. О. Де-Пуле, „освобожденія крестьянъ, мы относились къ помѣщичьему быту съ полнѣйшимъ отрицаніемъ его историческихъ заслугъ. Мы, образованные люди, забывали, что въ помѣщичьей средѣ хранились историческія преданія, росла и крѣпла наша цивилизація“. Образованные, или точнѣе, пишущіе, люди также забывали, что въ этой средѣ были „тысячи истинно-русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ“, что эти тысячи „были разсѣяны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эмансипаціи“.

Отецъ Шевырева Петръ Сергѣевичъ былъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и пользовался всеобщимъ

уваженіемъ за свою „справедливость и безкорыстіе“, а мать Шевырева Екатерина Степановна (изъ рода Топорниныхъ) „представляла образецъ семейныхъ добродѣтелей“. Почтенный типъ подобныхъ семей съ каждымъ почти днемъ исчезаетъ съ лица Русскаго царства, и самое воспоминаніе о нихъ уже переходитъ въ область археологіи.

Въ родительскомъ домѣ были вложены въ Шевырева тѣ начала, которымъ онъ остался вѣренъ до могилы. Будучи шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ читалъ Шестопсалміе за домашнею все-нощною. Въ родительскомъ же домѣ онъ перечелъ Сумарокова, Хераскова и повѣсти Карамзина. Высшее образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ подъ руководствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. На четырнадцатомъ году Шевыревъ лишился отца, который скончался въ деревнѣ, когда сынъ пріѣхалъ изъ пансіона на вакацію. Мать отпустила съ нимъ въ Москву и меньшого брата. Крестьяне, провожая, нанесли имъ, сиротамъ, на дорогу всякой всячины, кто что могъ, и это оставило въ Шевыревѣ навсегда самое отрадное впечатлѣніе.

Въ 1821 году преподавателемъ географіи въ Московскій университетскій благородный пансіонъ поступилъ Погодинъ. „И какъ теперь помню“, писалъ онъ, „увидѣлъ я миловиднаго мальчика, въ темнозеленомъ сюртучѣ, идущаго съ книгами въ рукахъ, изъ одной двери въ другую, между тѣмъ какъ я всходилъ по лѣстницѣ. Не знаю—почему, онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я спросилъ: Кто это?—Это Шевыревъ, первый ученикъ старшаго класса“.

По окончаніи курса въ пансіонѣ, въ сентябрѣ 1822 года, Шевыревъ опредѣлился въ Московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. *Архивные юноши*, отличное товарищество Архива, увѣковѣченное Пушкинымъ, предлагали ему благородную сферу постоянныхъ умственныхъ и литературныхъ занятій.

Въ 1829 году княгиня З. А. Волконская предложила Шевыреву ѣхать съ нею въ Италію для воспитанія ея сына. Трехлѣтнее пребываніе Шевырева въ Римѣ образовало въ немъ истиннаго ученаго, и, обогащенный познаніями, въ 1832 году возвратился онъ въ Москву.

Въ московскомъ обществѣ появленіе Шевырева произвело впечатлѣніе, и онъ безпрестанно получалъ приглашенія. Погодинъ не отставалъ отъ своего друга. Изъ *Дневника* его (2 сентября, 19, 23 и 30 октября) узнаемъ: „Разъѣзжалъ съ Шевыревымъ...“ Подъ его „эгидою“ Погодинъ проникъ даже къ И. И. Дмитріеву и былъ принятъ послѣднимъ очень ласково. „Бесѣда шла объ Италиі. Вмѣстѣ обѣдали у Чертковыхъ, а вечеръ провели опять у И. И. Дмитріева“. „Я радъ“, пишетъ Погодинъ, „что примирился съ нимъ предъ смертію“. Надо замѣтить, что Погодину было отказано отъ дома у И. И. Дмитріева за критики Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго*, которыя печатались въ Погодинскомъ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Но вскорѣ и самъ Шевыревъ подвергся гнѣву И. И. Дмитріева. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1835 года Шевыревъ напечаталъ свой переводъ VII-й пѣсни *Освобожденнаго Иерусалима* съ предисловіемъ. Этотъ переводъ и предисловіе возбудили негодованіе И. И. Дмитріева, и онъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Профессоръ Шевыревъ и эксъ-студентъ Бѣлинскій давно уже похоронили не только нашу братью стариковъ, но, не прогнѣвайтесь, и васъ, и Батюшкова, и даже Пушкина. Г. профессоръ объявилъ, что нашъ *чопорный* (это модное слово) метръ и нашъ *чопорный* языкъ поэзіи никуда не годится, *монотонны* (также любимое слово), для образца же выдалъ въ *Наблюдателѣ* переводъ въ своихъ октавахъ VII-й пѣсни *Освобожденнаго Иерусалима*... Какъ бы то ни было, но мы отнынѣ, по словамъ его, уже не существуемъ для воспитанниковъ Московскаго университета. Отнынѣ уже начнется въ немъ новый языкъ и новая метода для развода геніальнаго племени. Да поможетъ Фебъ Шевыреву! Однакожъ... тяжело пережить отцовскій языкъ и приниматься опять за азбуку“.

За Шевырева вступился князь Вяземскій и написалъ Дмитріеву: „Я совершенно согласенъ съ вами въ отношеніи къ переводу Шевырева... Жаль мнѣ, что Шевыревъ пустился на подобную проказу, потому что въ немъ есть умъ, знаніе, способность, и, держась дороги своей, могъ бы онъ идти хорошо и далеко. Онъ—не поэтъ, а литераторъ въ родѣ Баранта. Критическія статьи его всегда заслуживаютъ вниманія. Но журналистъ онъ тоже неудачный“. Впослѣдствіи князь Вяземскій очень полюбилъ Шевырева и, не надѣясь

пережить его, желалъ найти въ немъ своего біографа. Желаніе это князь Вяземскій выразилъ даже печатно въ своемъ стихотвореніи, изъ котораго привожу слѣдующій отрывокъ:

И помню я, паломникъ недостойный,
Святыхъ чудесъ завѣтныя мѣста,
Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
Тотъ вѣчный Градъ безсмертнаго Креста.

И память эта не умретъ со мною:
Мой біографъ,—быть можетъ: *Шевыревъ*,
Меня, давно забытаго молвою,
Напомнитъ вновь вниманью земляковъ.

Въ итогъ дней ничтожныхъ пилигрима
Отмѣтитъ онъ одинъ великій день, —
Тотъ день, когда со стѣнъ Ерусалима
И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
На Гробъ Господень я главу склонилъ,
Что тихою струею Силоама
Я грѣшныя глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
Я страждущей души носилъ печаль,
За упокой въ сырой землѣ лежащихъ
Внесъ имена на вѣчную скрижаль;

Что прокаженнымъ, за стѣнами Града
Сидящимъ одалъ, какъ въ Евангельскіе дни,
Мнѣ лепту подавать была отрада,
Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
Иосафатовой долины свѣжій миръ,
Что съ высоты божественной Сіона
Внималъ я духомъ пѣснямъ горныхъ лиръ;

Что долго рабъ житейскаго обмана,
Послышалъ разъ я неземной призывъ,
Когда въ водахъ священныхъ Иордана
Омылся я, молитву сотворивъ.

То же желаніе князь Вяземскій выразилъ и въ письмѣ своемъ къ А. Я. Булгакову. 4 февраля 1853 года Шевыревъ писалъ къ послѣднему: „Съ сердечною благодарностью возвращаю вамъ письмо князя Вяземскаго. Оно меня утѣшило и обвеселило. Въ немъ виденъ тотъ князь Петръ Андреевичъ, котораго мы привыкли любить и уважать. Сдѣлайте милость, напишите ему, что я никакъ не от-

казываюсь отъ славы быть его біографомъ, но только желаю написать его біографію при жизни его и подъ его диктантъ, желаю передать въ лицѣ его всѣ тѣ славныя воспоминанія въ нашей литературѣ, которыхъ онъ теперь единственный у насъ хранитель. А для этого необходимо, чтобы онъ переселился къ намъ въ Москву, чтобы мы возобновили при университетѣ Общество любителей русской словесности, и чтобы онъ принялъ званіе нашего предсѣдателя. Около него собралась бы вся наша лучшая молодежь и стала бы трудиться. Онъ же всегда умѣлъ возбуждать сочувствіе всѣхъ поколѣній“.

III.

Преемникомъ скончавшагося Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ Погодинъ желалъ видѣть Шевырева; того же желали Жуковский и Пушкинъ, который даже писалъ Плетневу: „Куда бы не худо посадить Шевырева на опустѣвшую кафедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, то-есть, надъ предрасудками и вандализмомъ“.

Побѣда состоялась, и Шевыревъ, 15 января 1834 года, вступилъ на кафедру Московскаго университета. Студенты приняли его съ восторгомъ. Шевыревъ казался для нихъ „радостнымъ событіемъ“, но „очарованіе продолжалось не долго“. Это скоро послѣдовавшее разочарованіе студентовъ въ Шевыревѣ, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что Шевыревъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика. „Мы“, говорилъ Погодинъ, „обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему“. Шевыревъ съ кафедры внушалъ уваженіе къ древней нашей словесности, которая, по справедливому его убѣжденію, была *искони сосудомъ вѣры*, тогда какъ противники его утверждали, что древняя словесность можетъ имѣть только одинъ интересъ—филологическій. Когда историкъ Петра Великаго Н. Г. Устряловъ заявилъ, что древняя наша словесность ограничивалась „списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспасительныхъ“, Шевыревъ на это возразилъ ему: „Правда, что душеспасительныя книги составляютъ

главное содержаніе древней русской словесности; но если русскій народъ въ древнемъ періодѣ своей жизни задалъ себѣ главною задачею въ произведеніяхъ своего слова указать пути для спасенія души человѣческой, то неужели такое явленіе въ своемъ народѣ историкъ новаго періода считаетъ дѣломъ столь маловажнымъ, что позволяетъ себѣ такъ небрежно о немъ отзываться? На этихъ книгахъ основано религиозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петрова, ни всѣ за нею послѣдовавшія и ожидаемыя, не имѣли бы своего правильного и прочнаго развитія“. Привѣтствуя графа Д. Е. Остенъ-Сакена, Шевыревъ сказалъ: „Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но песокрушимы силы русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи“.

Эти мысли напіли полное развитіе въ обширномъ сочиненіи Шевырева: *Исторія русской словесности преимущественно древней*. Книжка эта есть плодъ работы ученой, честной, можно сказать, религиозной. Книга эта есть, по справедливому выраженію И. В. Кирѣевскаго, „оживленіе забытаго, возсозданіе разрушеннаго, есть, можно сказать, открытіе новаго міра нашей старой словесности. Изъ-подъ лавы вѣковыхъ предубѣжденій открываетъ онъ новое зданіе, богатое царство нашего древняго слова“. Шевыревъ былъ не только проповѣдникомъ этихъ началъ, но былъ и исповѣдникомъ ихъ. Не ограничиваясь каѳедрою, онъ ратовалъ и въ журналистикѣ за древнюю словесность, за нашихъ старыхъ классическихъ учителей, за связь съ преданіемъ какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всемогущаго тогда Бѣлинскаго; эта ненависть была передана имъ въ наслѣдство его преемникамъ и наслѣдникамъ, и они, рассыпавшіеся по нашимъ газетамъ и журналамъ, безъ малѣйшаго вниманія къ заслугамъ, старались при всякомъ случаѣ задѣвать и ругать Шевырева. Онъ не слышалъ ни одного добраго слова, и это, конечно, имѣло вліяніе на студентовъ. А между тѣмъ кабинетъ Шевырева всегда былъ открытъ для нихъ. Онъ помогалъ имъ совѣтами, снабжалъ книгами, дѣлалъ денежныя пособія и спасъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ

тяжкой участи своимъ горячимъ заступничествомъ, но много встрѣтилъ онъ и неблагодарныхъ...“

Для успокоенія своей наступающей старости и чтобы имѣть мирный пріютъ для своихъ занятій, Шевыревъ купилъ подмосковную, и въ 1854 году писалъ Погодину: „А прелестный уголокъ мы купили, для отдыха на старости лѣтъ. Въ семи верстахъ отъ Пятницы Берендѣевой, въ семнадцать отъ желѣзной дороги, въ Клинскомъ уѣздѣ. Если бы ты захотѣлъ освѣжиться и уединиться въ деревнѣ,—милости просимъ. Есть особый флигель, кромѣ дома въ четырнадцать комнатъ. Аллея изъ липъ прелесть,—березы, ели и пр. Рѣка Нудоль... Принадлежала Денису Давыдову“. По свидѣтельству Погодина, „пребываніе Шевырева въ деревнѣ имѣло доброе вліяніе на крестьянъ. Онъ приучалъ ихъ ходить чаще въ церковь, оказывать уваженіе къ духовенству, лѣчилъ, покоилъ, приглашалъ къ себѣ обѣдать священника и его жену, устраивалъ праздники, обращалъ вниманіе на дѣтей. Крестьяне приходили къ нему за совѣтами, жили на его хѣрцахъ, и слава о ласковомъ баринѣ разошлась далеко“.

Стеченіе роковыхъ обстоятельствъ омрачило послѣдніе годы жизни Шевырева. Не смотря на свою болѣзнь, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ библіотекахъ. Въ „смирной и тѣсной кельѣ“ у отца ризничаго Синодальной библіотеки, архимандрита Саввы (скончавшагося въ санѣ архіепископа Тверского и Кашинскаго) переписывалъ онъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и другія; въ кельяхъ у архимандрита Чудовской обители, Паисія, трудился надъ Евангеліемъ святителя Алексія; въ кельяхъ архимандрита Иосифова Волоколамскаго монастыря Гедсона работалъ онъ надъ рукописями знаменитой библіотеки. По свидѣтельству М. П. Погодина, „по наружности Шевыревъ какъ будто былъ еще крѣпокъ, но внутри завелся червь, который подтачивалъ ему жизнь. Тогда онъ рѣшился уѣхать въ чужіе края, чтобы пожить нѣсколько времени на свободѣ, не слышать этой противной брани, не видать этихъ противныхъ ему фигуръ“. Погодинъ, провожая его до Серпуховской заставы, смотря на него „съ прискорбіемъ, былъ увѣренъ, что онъ не поправится, и что онъ не увидитъ его болѣе“. Предчувствіе Погодина оправдалось. „Человѣкъ, дѣйствующій предъ обществомъ“,

писалъ Шевыревъ, „обязавъ ему отчетомъ въ своихъ дѣлахъ общественныхъ, а въ душевныхъ скорбяхъ, въ борьбѣ съ судьбою, въ великомъ и трудномъ дѣлѣ жизни его отчетъ только Богу“.

Разставаясь съ своимъ поприщемъ, Шевыревъ высказалъ свои желанія о будущемъ процвѣтаніи Россіи въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, которыя можно почитать какъ бы его духовнымъ завѣщаніемъ. Онъ писалъ: „Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разрабатывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія, для великаго труда надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее какъ зѣницу ока и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь; потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и cadaго человѣка отдѣльно не возможна“.

Проводя свои послѣдніе предсмертные годы въ Парижѣ, Шевыревъ тосковалъ по Москвѣ. „Въ великую субботу (1862) я говорилъ о Филаретѣ“, писалъ онъ Погодину. „Лекція удалась. Филаретъ какъ проповѣдникъ предсталъ во всей своей глубинѣ и силѣ... Лекціи у меня говорятся спокойно и ясно. Только въ заключеніи о Филаретѣ расчувствовался. Вспомнилъ Москву, воскресную полночь, звонъ колоколовъ—не могъ говорить. Сердце переполнилось. Слезы прекратили рѣчь... Многіе изъ слушателей были тронуты и плакали...“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ внимательно слѣдилъ за реформаторскою дѣятельностью, кипѣвшею тогда въ нашемъ отечествѣ. „Не думаю“, писалъ онъ Погодину, „чтобы у насъ могла приняться эта судебная комедія, разыгрываемая адвокатомъ власти всегонительной и адвокатомъ краснорѣчія всеоправдывающаго. Думаю, что русскій человѣкъ адвокату своей неправды способенъ будетъ публично сказать: „Да вѣдь ты все лгалъ. Я въ самомъ дѣлѣ убійца“. И что это за власть императорская, которая будетъ